

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

THEMATIC DOSSIER: INTERNATIONAL RELATIONS IN THE DIGITAL ERA: NEW OPPORTUNITIES AND TRADITIONAL CHALLENGES

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-197-215

EDN: HMRMVZ

Научная статья / Research article

Алгоритмическая асимметрия: пространство, власть и время в истории цифровой дипломатии

Е.С. Арляпова¹, Е.Г. Пономарева²

¹Институт системно-стратегического анализа (ИСАН), Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет международных отношений (МГИМО) МИД России, Москва, Российская Федерация

nastya304@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой историко-аналитическое исследование развития цифровой дипломатии как отдельного направления дипломатических практик на заре его формирования и затем — как цифровой среды осуществления дипломатической деятельности. Раскрыта терминологическая динамика — от ранних попыток осмысления до более поздних дебатов о содержании и границах цифровой дипломатии как самостоятельного феномена. Особое внимание уделено процессу разграничения и смещения понятий «публичной дипломатии» и «цифровой дипломатии», что позволило выявить изменения в их иерархии, смысловых контурах и сферах применения. Предложена авторская периодизация истории цифровой дипломатии, основанная на хронологическом анализе ключевых событий, институциональных реформ и технологических сдвигов с 1990-х до середины 2020-х гг. Периодизация выявляет постепенный переход от экспериментальной стадии цифровой коммуникации внешнеполитических ведомств к этапу институционализации и далее — к фазе алгоритмизации дипломатических практик. Центральное место в исследовании отведено концепции алгоритмической асимметрии. Показано, что алгоритмы не только проецируют влияние во времени и пространстве с иной скоростью и плотностью, но и создают асимметричные условия для государств с разными уровнями адаптивности, технологического потенциала и развития и цифровой креативности. Алгоритмическая асимметрия проявляется в трех измерениях: пространственном, временном и властном. В заключении отмечается, что цифровая дипломатия развивается в условиях постоянной реконфигурации цифрового пространства, а алгоритмы наращивают влияние в международном взаимодействии. Сформированный рейтинг государств демонстрирует лишь временное состояние поля, поскольку в условиях алгоритмической асимметрии позиция государства определяется его восприимчивостью к инновациям, способностью к адаптации, стратегическому

© Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

освоению цифровых режимов власти и умением превращать особенности цифровых платформ в ресурс внешнеполитического влияния.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, власть и коммуникация, цифровизация, информационная безопасность, технологическая медиация, публичная дипломатия

Вклад авторов. Арляпова Е.С.: концепция исследования, хронология и периодизация цифровой дипломатии. Пономарева Е.Г.: методология исследования, цифровые технологии в реализации «мягкой силы». Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Алгоритмическая асимметрия: пространство, власть и время в истории цифровой дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 197–215. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-197-215>; EDN: HMRMVZ

Algorithmic Asymmetry: Space, Power and Time in the History of Digital Diplomacy

Elena S. Arlyapova¹, Elena G. Ponomareva²✉

¹ Institute of System-Strategic Analysis (ISSA), Moscow, Russian Federation

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ nastya304@mail.ru

Abstract. The article provides a historical and analytical study of the development of digital diplomacy as a distinct domain of diplomatic practice, examining it first at the moment of its emergence and then as it evolved within the digital environment in which diplomatic activity takes place. The paper examines the dynamics of terminology: from the earliest conceptualizations to later debates about the substance and scope of digital diplomacy as an independent phenomenon. Particular attention is given to the processes of differentiation and conceptual displacement between “public diplomacy” and “digital diplomacy,” which makes it possible to trace how their hierarchy, semantic contours, and spheres of application have changed over time. The article also proposes an original periodization of the history of digital diplomacy based on a chronological analysis of key events, institutional reforms, and technological shifts from the 1990s to the mid-2020s. This periodization reveals a gradual progression from the experimental stage of MFA-led digital communication to the phase of institutionalization, and subsequently to the stage of algorithmization of diplomatic practices. The concept of algorithmic asymmetry is central to the study. The analysis demonstrates that algorithms not only project influence across time and space with different speeds and densities but also create asymmetric conditions for states with varying levels of adaptability, technological capacity, and digital creativity. Algorithmic asymmetry manifests itself in three dimensions: spatial, temporal, and power-related. In conclusion, the article emphasizes that digital diplomacy evolves within a constantly reconfiguring digital environment, while algorithms increasingly shape the dynamics of international engagement. The resulting ranking of states reflects only a temporary configuration of the field, since under conditions of algorithmic asymmetry, a state’s position is determined by its receptivity to innovation, its capacity for adaptation, its strategic mastery of digital regimes of power, and its ability to translate the properties of digital platforms into a resource of foreign-policy influence.

Key words: digital diplomacy, power and communication, digitalization, information security, technological mediation

Authors’ contributions. E.S. Arlyapova: research concept, chronology, and periodization of digital diplomacy. E.G. Ponomareva: research methodology and digital technologies in the implementation of “soft power.” Both authors read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Arlyapova, E. S., & Ponomareva, E. G. (2026). Algorithmic asymmetry: Space, power and time in the history of digital diplomacy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 197–215. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-197-215>; EDN: HMRMVZ

Введение

История цифровой дипломатии насчитывает менее полувека, однако скорость и масштаб изменений, которые она породила в международных отношениях, делают ее исключительно значимым историческим явлением. Дипломатия, без преувеличения, «претерпевает радикальную трансформацию на наших глазах»¹ до такой степени, что «цифровые технологии и уровень их развития начали определять позиции государств на международной арене и спектр доступных им внешнеполитических возможностей» (Лебедева, Зиновьева, 2023, с. 145), а порой это даже касается «возникновения ранее неизвестных концепций того, как может осуществляться дипломатия»².

Цифровизацию часто ставят в один ряд с двумя другими «великими технологическими изобретениями, которые сформировали развитие дипломатии», — письменностью и электричеством³. В то же время сам термин «цифровизация дипломатии» подразумевает понимание того, что это долгосрочный процесс, влияние которого выходит далеко за рамки простого внедрения новых технологий⁴. Более того, роль самой технологии как предмета международной повестки дня неуклонно возрастает, и даже исследования, свободные от «техно-мессианских обертон», несут в себе ожидание того,

что «искусственный интеллект — определяющая технология нашего времени — готов произвести революцию в древнем искусстве дипломатии» (Kurbalija, 2025, p. 315).

В контексте продолжающейся дискуссии о направлении и текущем состоянии развития в этой области основная цель данного исследования — уточнить (и расширить) хронологические границы и попытаться предложить ее периодизацию. Второстепенная или сопутствующая цель — проверить гипотезу о так называемом «асимметричном преимуществе»⁵ или более известном, но также заимствованном извне понятии «асимметричного влияния» применительно к практике цифровой дипломатии по аналогии с другими областями (военное дело, борьба с терроризмом, информационная безопасность и т. д.), где это явление давно и широко изучается. Суть этой гипотезы заключается в том, что в сфере цифровой дипломатии с использованием современных и постоянно развивающихся технологий возникает форма асимметричного влияния, подобная той, которая наблюдается в военных действиях, терроризме и информационно-коммуникационных операциях. Соответственно, исследовательский вопрос формулируется следующим образом: может ли цифровая дипломатия стать — и становится ли — средой, в которой формируется и осуществляется асимметричное влияние? Если ответ утвердительный, автоматически возникает другой вопрос: является ли этот процесс преднамеренным? Однако это уводит нас в более широкую тематическую область рисков и потерь, связанных с цифровой дипломатией, которая, хотя и неотделима от данной темы, выходит за рамки этого исследования.

Для достижения этих целей реализованы следующие шаги: отбор и систематизация наиболее значимых событий в истории цифровой дипломатии, анализ ключевых случаев и отслеживание изменений в ее временном, простран-

¹ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

² Лебедева О. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. 31.05.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22665> (дата обращения: 25.10.2025).

³ Berridge G. Book Review by G.R. Berridge: History of Diplomacy and Technology: From Smoke Signals To Artificial Intelligence, 2nd edition, Jovan Kurbalija (DiploFoundation, 2025) // DiploFoundation. 2025. URL: <https://www.diplomacy.edu/resource/book-review-jovan-kurbalija-history-of-diplomacy-and-technology-from-smoke-signals-to-artificial-intelligence-2nd-edition-diplofoundation-geneva-2025/> (accessed: 26.10.2025).

⁴ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // DigDiploROx Working Paper. 2018 (January). No. 2. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

⁵ Spader B. Waging Information Warfare for Asymmetric Advantage: Increasing Multi-Domain Speed, Survivability, and Lethality in the Indo-Pacific // Journal of Indo-Pacific Affairs. April 1, 2022. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2979934/waging-information-warfare-for-asymmetric-advantage-increasing-multi-domain-spe/> (accessed: 04.10.2025).

ственном и коммуникативном измерениях. Следует также уточнить, что термин «алгоритмическая асимметрия» в названии используется не как технический термин, а как метафора исторического сдвига. В прошлом дипломатическая асимметрия проистекала вследствие целого ряда материальных факторов, таких как военные возможности, ресурсы, доступ к СМИ и т. д. Она создавалась и усиливалась посредством коммуникации. Теперь она создается с помощью алгоритмов и цифровой архитектуры, которая определяет видимость, доступ, скорость и приоритезацию информации. Алгоритмические, а не материальные факторы формируют само возникновение этой асимметрии: важно, кто контролирует цифровые платформы и данные, кто видит те или иные сообщения и как быстро они распространяются, как именно они распространяются, как один дискурс усиливается, а другой подавляется и т. д.

В теоретической части, посвященной асимметричному влиянию, исследование опирается на классические и новейшие работы по асимметричным конфликтам (Taber, 1965; Mack, 1975; Hangström, 2025) и «нетрадиционным» войнам (Van Creveld, 1991; Kaldor, 2013). Также рассматриваются последующие правовые и этические исследования, касающиеся не только морально-правовых аспектов асимметрии, но и применения традиционных законов войны к таким конфликтам (Buffaloe, 2006; Lee, 2018), поскольку этот регулятивный опыт неизбежно будет востребован в дипломатической сфере.

Тематически и контекстуально релевантным для нашей работы является целый корпус исследований по информационной войне и коммуникациям (Repnikova & Chen, 2023). Эти исследования рассматривают конкретные случаи кибер- и информационных операций, создающих асимметричные преимущества в противостоянии с более сильным противником⁶, анализируют стратегии малых государств

в цифровой сфере (Li, 2024) и непосредственно фокусируются на манипулировании информацией⁷. Их выводы перекликаются с теми, которые были сделаны ранее в исследованиях в области военной политики и борьбы с терроризмом: нетрадиционный или просто более слабый субъект может использовать информацию и цифровые инструменты (или технологии), чтобы компенсировать ресурсное преимущество более сильного субъекта. Более того, малые государства помимо меньших ресурсов также несут пропорционально меньшую инфраструктурную нагрузку; их институциональные структуры часто более гибкие, динамичные и изобретательные.

Коммуникативный аспект терроризма особенно важен в контексте эффективных сетевых действий. Террористические организации обладают в этом отношении обширным опытом, который изучается как в рамках теории асимметричного конфликта⁸, так и в области политической коммуникации (Pattwell, Mitman & Porpora, 2015). Подобно другим относительно слабым субъектам, террористы стремятся достичь эффекта, несоразмерного их ресурсам, и делают это с помощью информации и символов, технологических инноваций и нетрадиционных методов. Террористические структуры, несомненно, стали бенефициарами цифровой эпохи и цифровой среды наряду с другими нетрадиционными субъектами. Свобода маневра, низкая предсказуемость и постоянное внедрение новых технологических решений⁹ неизменно помогают им получать преимущества и достигать значительных

for-asymmetric-advantage-increasing-multi-domain-speed (accessed: 04.10.2025).

⁷ Chang Y., Kebelis M. F., Li R., Iakovou E., White III C. C. The Value of Misinformation and Disinformation // *ArXiv*. January 8, 2019. URL: <https://arxiv.org/pdf/1901.01464> (accessed: 26.10.2025).

⁸ Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects // *SIPRI Research Report*. 2008. No. 23. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIRR23.pdf> (accessed: 01.10.2025).

⁹ Milevski L. Asymmetry is Strategy, Strategy is Asymmetry // *Joint Force Quarterly*. 2014 (4th Quarter). No. 75. P. 77–83. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-75/jfq-75_77-83_Milevski.pdf (accessed: 02.11.2025).

⁶ Spader B. Waging Information Warfare for Asymmetric Advantage: Increasing Multi-Domain Speed, Survivability, and Lethality in the Indo-Pacific // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. April 1, 2022. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2979934/waging-information-warfare->

результатов в вербовке, мобилизации и пропаганде в социальных сетях (Ishengoma, 2013; Moncrieff et al., 2024).

Наконец, в последние годы были опубликованы исследования, которые не формулируют идею асимметрии непосредственно в контексте цифровой дипломатии, но тем не менее рассматривают феномен непропорционального влияния во внешней политике с разных сторон. Они фокусируются на культурных, коммуникационных и других источниках первоначального дипломатического неравенства (Rachmawati et al., 2024), на том, как такая асимметрия провоцирует дипломатические кризисы (Zaharna, 2004) и особенно на ее проявлениях в публичной дипломатии¹⁰. Хотя эти исследования напрямую не связаны с нашей темой, они обеспечивают важную концептуальную основу для более широкой проблемы асимметричного влияния посредством коммуникации. Они также затрагивают вопросы, центральные для нашего анализа: субъектность, пространство и «материальность» этой новой формы дипломатии (Hedling & Bremberg, 2021). Естественно, это включает в себя пристальное внимание к роли цифровых технологий и платформ в осуществлении «мягкой силы» государств — чего-то, что, с одной стороны, становится более доступным, а с другой — более уязвимым для риска и манипуляций. Практически значимыми являются последние исследования дискурсивной асимметрии — неравенства в создании смыслов, нарративов, определении «реальности» и влияния на символический порядок международной коммуникации между государствами, а иногда и между политическими лидерами (Brady et al., 2019). Примечательно, что на уровне странового анализа случаи американо-азиатского и внутриазиатского соперничества (например, по линии «Япония — Республика Корея») стали особенно заметны среди аналитиков (Huang & Wang, 2021; Lee & Shahin, 2023; Repnikova & Chen, 2023).

В той же группе практико-ориентированных работ находятся исследования цифровых дипломатических инициатив (Tsinovoi, 2020) и асимметричных коммуникационных методов, используемых в операциях иностранного вмешательства или влияния (Truong et al., 2024). Среди них — так называемое «асимметричное затопление» социальных сетей (Cirone & Hobbs, 2023). Его суть заключается в преднамеренном перенасыщении информационного пространства контентом с целью снижения видимости конкретного сообщения, усложнения его поиска и истощения аудитории. В нашем контексте этот метод показателен, поскольку требует минимальных ресурсов, но при этом производит значительный эффект, наглядно демонстрируя типичную форму асимметричного влияния. Технически логика проста: большое количество постов, хэштегов или комментариев публикуется — часто автоматически — в ответ на целевое сообщение. Вскоре лента переполняется, результаты поиска затруднены, и исходное сообщение «теряется».

Важно отметить, что деятельность троллей и ботов (специфический пример манипулирования трафиком) также создает методологические проблемы. Вопрос борьбы с ними «является одним из наиболее важных для исследователей цифровой дипломатии» (Павлюченко, 2024, с. 240). Это относится как к ручным, так и к машинным методам анализа данных. В настоящее время список исследовательских уязвимостей значительно расширился в связи с быстрым развитием искусственного интеллекта (ИИ) и его уверенным проникновением в дипломатическую сферу. Легко заметить, что технологические инновации практически неотделимы от темы рисков и угроз безопасности. Амбивалентность цифровых технологий, наряду с глубиной и необратимостью их интеграции во все сферы современного общества, давно прочно утвердилась в критических исследованиях СМИ (Castells, 1996; 1997; 1998; Fuchs, 2025; Shilina & Nepp, 2021). Остается лишь надеяться, что дипломатия, которая «всегда подходила к технологическим изменениям осторожно и избирательно» (Kurbalija, 2025), поступит так же и в этом случае.

¹⁰ Ahmed S. The Role of Soft Power in the Digital Age // The SAIS Review of International Affairs. March 7, 2025. URL: <https://saisreview.sais.jhu.edu/the-role-of-soft-power-in-the-digital-age/> (accessed: 10.11.2025).

Цифровая дипломатия: эволюция термина и концептуальные различия

На вопрос о том, когда и где зародилась цифровая дипломатия, нельзя ответить, не определив предварительно контуры самого понятия. Всего несколько лет назад некоторые специалисты (в том числе госсекретарь США Джон Керри) утверждали, что термин «цифровая дипломатия» устаревает, поскольку дипломатия в целом уже стала цифровой, а цифровые технологии полностью интегрировались в сам процесс дипломатической деятельности¹¹. Вполне возможно, что это предсказание однажды окажется верным: сегодня мало кто думает о проводных системах связи, когда говорит о телефонии, или о конных экипажах, когда обсуждает городской транспорт. Тем не менее термин «цифровая дипломатия» по-прежнему широко используется, и дискуссии вокруг него остаются активными.

В российских международных политических исследованиях цифровая дипломатия рассматривается прежде всего как компонент публичной дипломатии (Павлюченко, 2024, с. 228). Аналогичный подход, при котором цифровая дипломатия концептуализируется как форма публичной дипломатии, встречается также в зарубежной, преимущественно западной, историографии. В ней, естественно, основной акцент делается на «использовании государствами цифровых технологий и платформ социальных сетей, таких как *Twitter*¹², *Facebook*¹³ и *Weibo*, для взаимодействия с зарубежной аудиторией, как правило, в относительно недорогом формате» (Adesina, 2017, p. 2).

В этой перспективе цифровая дипломатия является «подразделением» публичной дипло-

матии и, соответственно, рассматривается как «пятый элемент» ее зонтичной структуры¹⁴. В буквальном и переносном смысле это отсылает к американскому опыту: Соединенные Штаты часто упоминаются как пионер цифровой индустрии (наряду с Южной Кореей и Японией), а также как один из первых лидеров в электронной дипломатии и сторонник институциональных моделей общего типа. Примечательно, что первая практическая инициатива США – виртуальное посольство в Тегеране — была создана именно на этом принципе: единая общая идентичность, «*USABehFarsi*», объединила множество каналов коммуникации в социальных сетях (включая мессенджеры и видеоплатформы), таких как *Facebook*¹⁵, *Instagram*¹⁶, *Telegram*, *Twitter*¹⁷ и *YouTube* (Арляпова, Пономарева, 2023, с. 33).

В рамках подхода, рассматривающего цифровую дипломатию как «подразделение» публичной дипломатии, ориентированное на общение с зарубежной общественностью посредством цифровых технологий (а иногда и только через социальные сети, в зависимости от подхода), сама публичная дипломатия интерпретируется гораздо шире. Она охватывает весь спектр задач, направленных на формирование влияния на зарубежные общества в интересах конкретного государства. В этой перспективе подход, ориентированный на государство, становится наиболее последовательным и, следовательно, наиболее распространенным, хотя аспект взаимодействия актора и коммуникации будет рассмотрен более подробно ниже.

¹⁴ Cull N. J. The Role of Public Diplomacy in the Digital Age: Comparative Models // Public Diplomacy Council of Catalonia. DIPLOCAT Agora 1. May 3, 2019. P. 8. URL: <https://catalunya-internacional.cat/media/upload/arxiu/publicacions/AgoraDP/AgDP1-DiplomaciaPublicaEraDigital-EN.pdf> (accessed: 26.10.2025).

¹⁵ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁶ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁷ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

¹¹ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹² Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

¹³ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

С сегодняшней точки зрения прежнее концептуальное сопоставление цифровой и публичной дипломатии — и особенно иерархическая взаимосвязь между ними — представляется несколько преждевременной фиксацией развивающихся явлений на конкретном этапе их непрерывного развития. Такая фиксация напоминает моментальный снимок знаний, актуальных на тот момент, но которые неизбежно должны обновляться по мере развития самого явления. В противном случае возникает риск ситуации, когда практическое развитие продолжается и даже ускоряется, в то время как теоретическая конструкция остается статичной. Всего несколько лет назад в ответ на прямой вопрос «В чем разница между цифровой дипломатией и публичной дипломатией?», веб-сайт *DiploFoundation*¹⁸ предложил следующий ответ: «Публичная дипломатия охватывает только один аспект цифровой дипломатии, а именно использование таких инструментов, как *Twitter*¹⁹, *Facebook*²⁰ и другие социальные сети, в дипломатической деятельности»²¹. Фактически из-за высокой медийной видимости деятельности дипломатов в социальных сетях цифровая дипломатия часто сводится исключительно к публичной дипломатии, хотя «на практике она гораздо шире и сложнее»²². Она также включает в себя дополнительные аспекты: формирование новых тем в дипломатической повестке дня (цифровое управление, кибербезопасность, искусственный интеллект и т. д.), меняющуюся геополитическую и геоэкономическую обстановку, формируемую технологиями, и новые инструменты в дипломатической практике (Kurbalija, 2025).

Как мы видим, со временем произошло не только концептуальное разграничение между «цифровой дипломатией» и «публичной дипломатией», но и инверсия их значений. Это позволяет сделать вывод, что более ранние прогнозы о коротком сроке жизни термина «цифровая дипломатия» были не совсем обоснованными. Краткий обзор эволюции ключевого определения помогает проиллюстрировать эту тенденцию.

На раннем этапе своего изучения «цифровая дипломатия» понималась как дипломатическая практика, осуществляемая с использованием цифровых и сетевых технологий, включая Интернет, мобильные устройства и социальные платформы (*Cyber-Diplomacy...*, 2002). Несмотря на отсутствие некоторых современных технологий (особенно ИИ, который еще не был известен в своей нынешней форме), это определение полезно как иллюстрация выражения «Новое — это хорошо забытое старое».

Среди последующих более широких определений, которые, вероятно, способствовали их относительному успеху, защищая их от немедленного устаревания в условиях быстрых технологических изменений, выделяются две схожие формулировки: цифровая дипломатия как использование Интернета и новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для поддержки дипломатической деятельности²³ и цифровая дипломатия как использование дипломатами цифровых коммуникационных инструментов (социальных сетей) для взаимодействия с широкой общественностью²⁴.

Сходство между этими интерпретациями очевидно: необходимо участие цифровых тех-

¹⁸ *DiploFoundation*, или *Diplo* — швейцарско-мальтийская неправительственная организация, специализирующаяся на наращивании потенциала в области управления Интернетом и цифровой политики.

¹⁹ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

²⁰ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

²¹ What Is the Difference Between Digital Diplomacy and Public Diplomacy? // *Diplo*. URL: <https://www.diplomacy.edu/ufaq/what-is-the-difference-between-digital-diplomacy-and-public-diplomacy/#:~:text=Public%20diplomacy%20only%20covers%20one,geopolitical%20or%20geo%20Deconomic%20ENVIRONMENT> (accessed: 02.11.2025).

²² *Ibid.*

²³ Hanson F. Baked in and Wired: eDiplomacy@State // Foreign Policy at Brookings. 2012. Series No. 30. P. 2. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/baked-in-hansonf-5.pdf> (accessed: 01.11.2025).

²⁴ Lewis D. Digital Diplomacy. Gateway House // Indian Council on Global Relations. December 19, 2014. URL: <https://www.gatewayhouse.in/digital-diplomacy-2/> (accessed: 05.10.2025).

нологий. На этом основании можно сгруппировать многочисленные англоязычные термины и их русскоязычные эквиваленты, которые функционируют как синонимы или почти синонимы основного понятия: «электронная дипломатия», «кибердипломатия», «сетевая дипломатия», «хэштег-дипломатия», «дипломатия 2.0», «публичная дипломатия 2.0», «сетевая дипломатия», «дипломатия в реальном времени», «государственное управление XXI века», «дипломатия в цифровую эпоху», «цифровизация дипломатии», «диджидипломатия»²⁵, а также «цифровая дипломатия», «виртуальная дипломатия» (Eggeling, 2017), «твитпломатия», «техпломатия»²⁶ и др. Подобное разнообразие наблюдается и на практике: МИД Германии описывает свой подход как «сетевая дипломатия» (*vernetzte Diplomatie*), датские дипломаты называют свою модель «технологической дипломатией», а франкоязычный мир опирается на «цифровую дипломатию» (*diplomatie numérique*). По сути, все эти термины относятся к практикам, процедурам и нормам дипломатии в условиях цифровизации (Eggeling, 2017).

Логично предположить, что именно здесь следует искать выход из терминологического лабиринта. Учитывая продолжающийся и ускоряющийся темп технологического развития, концептуальная и категориальная траектория, вероятно, предполагает отказ от чрезмерной специализации. Это подтверждается предыдущими попытками концептуализации в самой области цифровой дипломатии. В последние годы прилагались многочисленные усилия, направленные на избежание слишком узкого определения этой области. Среди наиболее заметных — призыв заменить термин «цифровая дипломатия» более широким и всеобъемлющим термином «цифровизация ди-

пломатии»²⁷. Эта инициатива основана на наблюдаемой специфике влияния ИКТ на дипломатическую сферу. Главное, что она исходит из понимания того, что цифровизация — это процесс, а не бинарное состояние. Иными словами, нельзя разделить дипломатов на «цифровых» и «нецифровых» (используя аналогию И. Манора). То же самое относится и к дипломатическим институтам. Это простое понимание возвращает нас к идее Джона Керри о коротком жизненном цикле, временности и условном характере широко используемого термина «цифровая дипломатия». И хотя в 2025 г., как и десятилетие назад, все еще можно было с уверенностью утверждать, что общепринятого определения цифровой дипломатии не существует — так же как и «нет надежной концептуальной основы для оценки эффективности социальных сетей» (Bjola & Jiang, 2015) или, в более широком смысле, цифровых технологий в дипломатии — нынешние направления теоретических дискуссий постепенно движутся к терминологическому консенсусу и разработке более надежных и эффективных аналитических инструментов.

Хронология и периодизация истории цифровой дипломатии

Уточнив ключевые понятия и обозначив стремление к пониманию этого явления в достаточно широком смысле (например, как всей дипломатической деятельности, происходящей в онлайн-сфере), следует перейти к его хронологии и периодизации. Для этого мы рассмотрим два параллельных направления.

Первое — это эволюционная, событийная линия, включающая основные вехи и этапы, которые сформировали основы и условия для возникновения цифровой дипломатии.

Второе — это накопленный корпус практических примеров, отражающих не начальный процесс формирования, а результаты цифро-

²⁵ Holmes M. Digital Diplomacy // Oxford Bibliographies. 2019. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0258.xml> (accessed: 23.10.2025).

²⁶ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

²⁷ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // DigDiploROx Working Paper. 2018 (January). No. 2. P. 4. URL: <https://www.geh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

вой дипломатии по мере ее функционирования на практике и опыт, накопленный в ходе ее применения. Событийная линия включает институциональный компонент лишь частично, поскольку этот аспект уже широко и подробно освещен в научной литературе.

Несмотря на позднее терминологическое разделение, отправной точкой «цифровой дипломатии» в области исследований обычно считается работа «Публичная дипломатия в компьютерную эпоху», опубликованная в 1984 г. (Hansen, 1984). Эта книга первой поставила под сомнение устоявшиеся общественные представления о разделении культурной и информационной деятельности. Особое внимание в ней уделялось глубоким преобразованиям, произошедшим в Информационном агентстве США под влиянием технологических достижений (инновация *WorldNet*, компьютеризация, программа модернизации «Голоса Америки»²⁸ и т. д.) за предыдущие пять лет. Таким образом, истинной отправной точкой можно считать период не позднее 1979 г.

В 1994 г. состоялся первый обмен электронными письмами между главами государств: Биллом Клинтоном (США) и Карлом Бильдтом (Швеция). Вот текст этих сообщений (он хранится в Национальном музее американской дипломатии²⁹):

Дорогой Билл, 4 февраля 1994 г.

Помимо проверки этого соединения в глобальной сети Интернет я хочу поздравить Вас с решением прекратить торговое эмбарго в отношении Вьетнама. Я планирую посетить Вьетнам в апреле и обязательно воспользуюсь случаем, чтобы поднять вопрос о пропавших без вести. Со стороны Швеции мы в прошлом старались оказывать помощь в этом вопросе и будем продолжать использовать имеющиеся у нас контакты.

²⁸ Радиостанция «Голос Америки» внесена в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации (Прим. ред.).

²⁹ First E-mails Between Heads of State. Sweden/United States 1994 // National Museum of American Diplomacy. URL: <https://diplomacy.state.gov/items/first-e-mails-between-heads-of-state/> (accessed: 26.10.2025).

Швеция, как Вы знаете, является одной из ведущих стран мира в области телекоммуникаций, и вполне уместно, что мы одними из первых используем Интернет также для политических контактов и общения по всему миру.

*С уважением,
Карл*

Дорогой Карл, 5 февраля 1994 г.

Я ценю Вашу поддержку моего решения прекратить торговое эмбарго в отношении Вьетнама и благодарю Вас за все, что Швеция сделала в вопросе о военнопленных и пропавших без вести.

Я разделяю Ваш энтузиазм по поводу потенциала новых коммуникационных технологий. Эта демонстрация электронных коммуникаций является важным шагом на пути к созданию глобальной информационной магистрали.

*Искренне Ваш,
Билл*

Вполне логично, что первый обмен электронной перепиской произошел между американскими и шведскими лидерами: Соединенные Штаты и Швеция вскоре стали пионерами в области цифровой дипломатии. Это отличает их от других высокотехнологичных государств, таких как Япония, Республика Корея или Сингапур, являющихся глобальными цифровыми центрами. Несмотря на развитую инфраструктуру и высокий технологический потенциал, этим странам не удалось занять лидирующие позиции в цифровой дипломатии, и они долгое время оставались в роли догоняющих. Это наблюдение говорит о том, что технологический потенциал страны может создавать благоприятные условия для роста, но сам по себе не гарантирует ни быстрого и эффективного развития, ни, тем более, автоматического лидерства в этой сфере.

Следующими важными вехами в хронологии являются даты появления ключевых социальных сетей. Они, наряду с другими важными показателями, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Хронология развития цифровой дипломатии

Этап 1			Этап 2		
Дата	Событие	Комментарий	Дата	Событие	Комментарий
1969	Первая передача пакета в сети ARPANET	Появление Интернета (США)			
1983	Переход к протоколу TCP/IP	Формирование архитектуры современного Интернета (США)			
1991	Запуск Всемирной паутины (WWW)	Формирование открытого глобального коммуникационного пространства; начало массовой цифровой рекламы (США)			
1991	Появление первого веб-сайта	Научно-исследовательский центр ЦЕРН (Швейцария)			
			1994	Первый обмен электронными сообщениями между главами государств (США — Швеция)	Символическое начало цифровой дипломатии; подтверждение возможности межгосударственного взаимодействия в онлайн-формате
			1994	Появление первого текстового веб-сайта на платформе <i>Gopher</i> , созданного внешнеполитическим ведомством (США)	Интернет-предшественник веб-сайта <i>state.gov</i> Государственного департамента США
			1995	Появление первого веб-сайта внешнеполитического ведомства (США)	
			2003	Создание Управления электронной дипломатии в структуре Государственного департамента США	Начало институционализации цифровой дипломатии, пока еще не получившей массового распространения
2003	Появление <i>LinkedIn</i>	США			
2004	Появление <i>Facebook*</i>	США			
2005	Появление <i>YouTube</i>	США			Формирование новой аудиовизуальной дипломатии
2006	Появление <i>Twitter**</i>	Впоследствии — ведущий сайт микроблогинга и наиболее полезный инструмент цифровой дипломатии (США)			Платформа для мгновенной политической коммуникации; феномен «твитпломатии»
2006	Основание <i>WikiLeaks</i>	Швейцария			
2006	Запуск «ВКонтакте» (ВК)	Россия, также популярен в странах СНГ			
			2007	Открытие виртуального посольства Швеции в <i>Second Life</i>	Первая в мире виртуальная дипломатическая миссия (в виртуальном пространстве) — важная веха в истории цифровой дипломатии
			2007	Мальдивы открыли виртуальное посольство в <i>Second Life</i>	Подтверждение глобального интереса к виртуальной дипломатии

Продолжение табл. 1

Этап 1			Этап 2		
Дата	Событие	Комментарий	Дата	Событие	Комментарий
			2009	Первый твит, опубликованный действующим послом	Посол Мексики в США. Текст твита: «Здорово быть первым послом в США с личным аккаунтом в <i>Twitter</i> **»; это отличный способ напрямую общаться с Америкой о Мексике!»
2009	Запуск <i>Sina Weibo</i>	Китай			
2010	Появление <i>WhatsApp</i> *	США			
			2010	Первый высокопоставленный чиновник ООН создал профиль в <i>Twitter</i> **	Бывший премьер-министр Новой Зеландии
2011	Запуск <i>Snapchat</i>	Под названием <i>Picaboo</i> , США			
			2011	Виртуальное посольство США в Тегеране	Первый пример «обходного» онлайн-посольства для взаимодействия с аудиторией, которая в противном случае была бы недоступна
			2012	Твит Белого дома (личная встреча избранных пользователей <i>Twitter</i> ** с определенной целью), США	Визит премьер-министра Великобритании в Вашингтон стал открытым событием для подписчиков аккаунта Белого дома в <i>Twitter</i> **
			2012	Официальный «сменяющийся куратор», Швеция	Проект был признан одной из официальных платформ страны в социальных сетях
			2013	Папа Франциск начал писать в <i>Twitter</i> ** @Pontifex	Создан годом ранее Папой Бенедиктом XVI
			2013	Трейлер к визиту Барака Обамы в Израиль	
			2013	Страница посольства США в Пакистане в <i>Facebook</i> * стала первой дипломатической страницей в <i>Facebook</i> *, достигшей отметки в 1 млн подписчиков	
			2013	Посольство Израиля в США создало и разместило фейковый профиль президента Ирана в <i>LinkedIn</i>	
			2014	Государственный департамент США запускает официальные приложения для взаимодействия с путешественниками, потенциальными стажерами и другими заинтересованными сторонами	

Окончание табл. 1

Этап 1			Этап 2		
Дата	Событие	Комментарий	Дата	Событие	Комментарий
			2014	Всемирная онлайн-акция протеста #Верните-НашихДевочек (#Bring-BackOurGirls)	Информация о пропавших школьницах в Нигерии
			2014	«Война карт» в <i>Twitter</i> **	НАТО против России
			2014	Посольство США в Москве и посол Дж. Теффт зарегистрировались в ВК	
			2014	Эстония запускает электронную систему резидентства	Создание первого крупномасштабного цифрового консульского инструмента
			2015	Запуск серии VR-видео-роликов ООН	Цель заключалась в том, чтобы донести до лиц, принимающих решения, и заинтересованной общественности по всему миру информацию о самых насущных глобальных проблемах
			2015	Возникновение эмодзи-дипломатии	Министр иностранных дел Австралии дал интервью, используя только эмодзи
			2015	Сотрудничество между <i>Microsoft</i> и Центром дипломатии США с целью развития интерактивной и цифровой дипломатии	
			2015	Министерство иностранных дел и по делам Содружества Великобритании стало первым министерством иностранных дел, запустившим аккаунт в <i>Snapchat</i>	Это положило начало активному использованию <i>Snapchat</i> министерствами иностранных дел в работе с молодежью
			2015	Организация Объединенных Наций запускает аккаунт в <i>Snapchat</i>	
			2016	Министр иностранных дел Исландии впервые использовал <i>Snapchat</i> во время официального визита в Индию	
			2016	<i>WhatsApp</i> * становится инструментом цифровой дипломатии	Появление «дипломатии <i>WhatsApp</i> »

Примечания. * — Социальные сети *Facebook* и *WhatsApp* (входят в группу компаний *Meta*) запрещены в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

** — Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ.

Источник: составлено Е.С. Арляповой.

Внимательный читатель заметит, что, несмотря на различия в заполнении подобных таблиц, они почти всегда заканчиваются 2016 г. Вероятно, причина в том, что после этого момента цифровая дипломатия перестала быть сферой инструментальных инноваций и стала самостоятельной средой международных отношений. Иными словами, 2016 г. ознаменовал конец периода формирования и начало нового этапа в ее развитии — алгоритмического этапа (2016–2018). Название отражает появление и — вскоре — доминирование алгоритмических лент в социальных сетях, таких как *Twitter*³⁰ и *Facebook*³¹, и на видеохостинговой платформе *YouTube*. В этот период государства и их внешнеполитические институты впервые столкнулись с ситуацией, когда алгоритмы, а не они сами определяли, что, как и когда увидит аудитория.

На фоне алгоритмически обусловленной асимметрии в видимости информации дипломатический мир столкнулся с феноменом асимметричного влияния. Алгоритмический поворот создал благоприятные условия для прорыва ряда малых государств в дипломатию высокого уровня (еще до глобальных изменений в составе дипломатических акторов). На практике началась гонка за контентом, «оптимизированным для алгоритма». Развитие в этом направлении продолжалось несколько лет и в 2018–2020 гг. обогатилось двумя заметными явлениями: «дипломатией влияния» и политическим таргетингом. Последний подразумевает целенаправленное воздействие на определенные группы людей с помощью цифровых инструментов и, естественно, в политических целях³². В этот период дипломатическая

конкуренция в *Instagram*³³ резко обострилась, *Facebook*³⁴ ввел прозрачность в политической рекламе, а в министерствах иностранных дел начали появляться первые «цифровые оперативные штабы» или «цифровые ситуационные центры» — центры цифрового управления политическими или дипломатическими ситуациями в режиме реального времени (как правило, во время информационных кризисов). Логично, что в этот период приобрела популярность концепция «дипломатии в реальном времени».

2020–2022 гг., отмеченные пандемией COVID-19 и ее последствиями, стали «точкой невозврата» в плане ускоренной и, казалось бы, необратимой цифровизации. Это был период гибридных и полностью виртуальных брифингов, саммитов и даже Генеральной Ассамблеи ООН, впервые проведенной в гибридном формате в сентябре 2021 г. Полный переход консульских услуг в онлайн-формат завершился, и страны, ранее отстававшие, были вынуждены ускорить цифровизацию своих министерств иностранных дел.

2022–2024 гг. принесли новую волну технологических инноваций и дипломатических изменений. В самом широком смысле характер этого этапа можно описать термином «*TikTok*-дипломатия» — в настоящее время наиболее быстрорастущее направление, в котором участники внешнеполитической деятельности используют сеть вертикальных видеороликов (основанных на рекомендациях, а не на подписках) для прямого взаимодействия с аудиторией. Акцент сместился на короткий визуальный контент. Вскоре он стал официальным форматом коммуникации, поскольку видео устанавливает связь быстрее, чем текст, — это «эмоциональная дипломатия». Вместе с *TikTok* молодежная аудитория впервые вышла на арену дипломатического влияния.

³⁰ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

³¹ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

³² Druckman J. Persuasive Political Targeting: A Remarkably Understudied Dynamic // Northwestern Institute for Policy Research (IPR) Working Paper Series. July 28, 2023. URL: <https://www.ipr.northwestern.edu/documents/working-papers/2023/wp-23-31.pdf> (accessed: 02.11.2025).

³³ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

³⁴ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

Наконец, последние годы ознаменовались еще одним прорывом — появлением дипломатии с использованием ИИ и постепенным распространением иммерсивных форматов. Автоматизация в создании контента, прогнозировании кризисов, мониторинге, а также необходимость и прежде всего техническая возможность анализа больших данных привели в дипломатическую сферу несколько новых профессий: атташе по ИИ, цифровой аналитик, специалист по дипломатии в метавселенных и др. Говоря о метавселенных, наиболее известными из них являются *Decentraland* (Expo 2020), *Somnium Space*, *Roblox*³⁵ (с целевой аудиторией детей и подростков) и *Meta Horizon Worlds*³⁶ (разработанный для мероприятий, направленных на «мягкую силу»).

Таким образом, цифровая дипломатия стремительно и решительно развивалась от первого обмена электронными письмами в 1994 г. до виртуальных симуляций в 2024 г. Отходя от конкретных дат и событий, можно предложить следующую периодизацию (табл. 2).

Если описать периодизацию в общих чертах, то можно выделить лишь два сегмента (табл. 3).

Периодизация не будет работать в контексте отдельных стран за исключением государств, выступающих в качестве локомотивов цифровой дипломатии. Все участники этой сферы индивидуальны в своих реакциях, адаптации и простой способности создавать цифровой контент — особенно на постоянной основе и в жестких условиях конкуренции между сюжетными линиями и нарративами. Характеристики цифровой среды и характер вносимых ею изменений меняют баланс сил: многие «малые и средние государства поспешили внедрить цифровую поддержку своей внешнеполитической деятельности, надеясь таким образом увеличить свой вес на мировой арене»³⁷. В качестве показательных примеров можно привести подъем Дании благодаря «технологической политике» и назначение в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) первого в мире министра искусственного интеллекта.

Таблица 2. Периодизация цифровой дипломатии

Период	Событие	Комментарий
1995–2000	Появление первых веб-сайтов МИД и посольств	Цифровая экспансия традиционных дипломатических миссий
2000–2012	Первые виртуальные посольства и другие технологические эксперименты	Вступление в виртуальную дипломатическую среду
2012–2015	Структурная интеграция цифровых подразделений в министерства иностранных дел различных стран	Институционализация цифровой дипломатии, переход от экспериментов к систематической практике
2016–2020	Массовый переход к использованию социальных сетей	Цифровизация публичной дипломатии, формирование новой нормы дипломатического присутствия
2020–2023	Пандемия коронавируса и полный переход консульских услуг в онлайн-формат	Размывание границ между онлайн- и офлайн-дипломатией
2023–2025	Появление пилотных проектов виртуальных посольств, внедрение искусственного интеллекта	Начало виртуальной иммерсивной дипломатии

Источник: составлено Е.С. Арляповой и Е.Г. Пономаревой.

Таблица 3. Общая периодизация цифровой дипломатии

Период	Событие	Комментарий
До 2016 г.	Период формирования	Акцент на цифровых инструментах
После 2016 г.	Период институционализации	Переход от цифровых инструментов к созданию цифровой среды

Источник: составлено Е.С. Арляповой и Е.Г. Пономаревой.

³⁵ Платформа заблокирована по решению Роскомнадзора (Прим. ред.).

³⁶ Платформа *Meta Horizon Worlds* входит в группу компаний *Meta*, признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

³⁷ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

В заключении будут представлены данные одного из наиболее известных индексов цифровой дипломатии — *Digital Diplomacy Index* (для стран G20, активно использующих *Twitter*³⁸) — в качестве отправной точки для исследования, чтобы в отсутствие единых аналитических рамок для оценки эффективности цифровой дипломатии в разных странах стало возможным (хотя бы частично) ориентироваться в нынешнем балансе сил.

Пространственная, временная и властная асимметрия цифровой дипломатии

В цифровой среде пространство, время и власть перестают быть фиксированными и становятся изменчивыми, алгоритмически опосредованными категориями. Дипломатические деятели действуют в сложных условиях сжатых (и, наоборот, растянутых) расстояний, ускоренных (и, наоборот, замедленных) циклов коммуникации и нестабильных режимов внимания, формируемых платформами. Процесс цифровизации трансформирует самих деятелей: он влияет на то, как они интерпретируют свой собственный мир: например, «если дипломаты воспринимают свой мир как сетевой, они стремятся стать узлами в транснациональных сетях влияния... Если они видят мир как иерархический, они сосредотачиваются на взаимодействии с элитами»³⁹. Этот процесс также указывает, какие рабочие процедуры следует изменить, какие навыки развивать и т. д. Наконец, цифровизация — это «процесс, который со временем перераспределяет власть внутри дипломатических институтов»⁴⁰.

Цифровая дипломатия перестала быть сферой, сосредоточенной исключительно на государственном управлении. В число полноправ-

ных участников теперь входят международные организации, муниципалитеты (например, Барселона со своей независимой цифровой дипломатией, отдельной от МИД Испании), частные компании, СМИ, неправительственные организации (НПО), платформы, активисты, блогеры, волонтеры и обычные пользователи. Список акторов значительно расширился, и это расширение, вероятно, еще далеко не завершено.

Логика коммуникации изменилась: ранее это была строго вертикальная модель «МИД — посольства — аудитория». Теперь ее заменили горизонтальные и сетевые структуры. Дипломатический контент, некогда неприкосновенный, теперь обсуждается, редактируется, пародируется, превращается в мемы и подвергается контрнарративам. Сама коммуникация стала опосредованной алгоритмами. То есть все взаимодействия происходят через алгоритмы: рекомендации, модерации, поиск, таргетинг и др. Иными словами, цепочка «МИД — аудитория» трансформировалась в «МИД — алгоритм — аудитория». Это ключевой источник алгоритмической асимметрии.

Алгоритмы устанавливают границы видимости, определяют ритм событий и перераспределяют влияние между государственными и негосударственными участниками коммуникации. Участники оказываются втянутыми в неравные пространственные, временные и властные конфигурации. Цифровые платформы, с одной стороны, устраняют физическое расстояние между ними, обеспечивая мгновенную коммуникацию независимо от географического положения. С другой стороны, участники вынуждены занимать новые пространства, созданные цифровой средой, — пространства, которые ранее не считались дипломатическими (социальные сети, стриминговые платформы, метавселенные и т. д.). Как правило, это алгоритмические пространства, то есть пространства, регулируемые алгоритмами платформ. Государства не могут напрямую влиять на них, что также создает асимметрию.

Подобная двойственность проявляется и в отношении времени. С одной стороны, происходит ускорение (сжатие), поскольку новости

³⁸ Социальная сеть X (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

³⁹ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // *DigDiploROx Working Paper*. 2018 (January). No. 2. P. 4. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

⁴⁰ Ibid.

распространяются за секунды и ответные действия должны быть незамедлительными. С другой стороны, некоторые процессы замедляются или даже зацикливаются, и все это происходит без прямого участия традиционных дипломатических субъектов.

Наконец, главная трансформация касается смещения власти (в цифровой среде). Сегодня платформы (алгоритмы) определяют, кто увидит что-либо или кого-либо, что они увидят, когда и в какой форме. Традиционные субъекты, особенно государства, не контролируют ключевые этапы современного информационно-коммуникационного цикла, такие как ранжирование, модерация, блокировка, фильтрация и т. д. Существует также феномен микровласти, проявляющийся в лайках, репостах и комментариях, которые формируют дипломатические нарративы. Эта власть находится в руках аудитории — основного ориентира публичной дипломатии в любой среде, цифровой или традиционной. Однако и это еще не все: блогеры, инфлюенсеры, журналисты, активисты и многие другие вмешиваются в дипломатическую коммуникацию, конкурируя с государством и его внешнеполитическими институтами за внимание.

Цифровые технологии не просто предлагают новые функции, они способствуют формированию новых норм и помогают создавать новые модели поведения. Цифровизация охватывает все аспекты и области дипломатии: аудиторию, институты, специалистов и практику; нормы, ценности и убеждения; поведение, процедуры, метафоры и ментальные модели⁴¹. Государство как один из наиболее влиятельных акторов движется параллельными путями, одновременно стремясь извлечь максимальную выгоду из технологической гонки и установить над ней контроль. В некоторых частях мира это в определенной степени удается.

Заключение

Цифровая дипломатия — относительно новое явление в международных отношениях, поэтому исследователи интерпретируют, описывают и понимают ее по-разному, хотя и с заметными сходствами. Нюансы ее интерпретации практикующими дипломатами еще больше способствуют терминологическому эклектизму. Хотя ключевые термины претерпели значительную эволюцию с течением времени — отличаясь друг от друга, как в случае с «цифровой» и «публичной» дипломатией, поиск общепринятого определения и концептуальной модели, охватывающей основные определения, продолжается.

Учитывая продолжающийся и даже ускоряющийся темп технологического развития, наиболее подходящим направлением представляется стремление исследователей избегать чрезмерно узких интерпретаций в пользу более широкого и динамичного понимания цифровой дипломатии. Показательной попыткой всесторонней, интегративной концептуализации этой новой дипломатической реальности является предложение использовать термин «цифровизация дипломатии». Этот термин легко отражает как влияние цифровых технологий на весь спектр дипломатической практики, так и повсеместное воздействие цифровизации. Что наиболее важно, он подчеркивает нормативное и временное воздействие цифровых технологий, четко указывая на то, что цифровизация — это долгосрочный процесс, результаты и последствия которого выходят далеко за рамки ограниченной проблемы «простого» использования инновационных технологий.

Сегодня цифровая дипломатия представляет собой автономную среду международных отношений, в которой алгоритмы, визуальная коммуникация, искусственный интеллект и гибридные форматы оказывают большее влияние, чем классические дипломатические каналы. Видео стало основным носителем дипломатического смысла. Онлайн-сервисы официально стали частью дипломатических обязательств. Виртуальная и дополненная реальность, а также метавселенные вступили в экспериментальную фазу (пилотные проекты в Объединенных Арабских Эмиратах, Сингапуре и Южной Корее).

⁴¹ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // DigDiploROx Working Paper. 2018 (January). No. 2. P. 4. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

Таблица 4. Цифровая дипломатия — рейтинг государств G20

Место	Государство	Тренд
1	США	–
2	Россия	↗
3	Индия	↘
4	Индонезия	↗
5	Франция	↘
6	Мексика	↗
7	Саудовская Аравия	↗
8	Турция	↘
9	Канада	↘
10	Великобритания	↘
11	Китай	↗
12	Бразилия	–
13	Япония	↘
14	Австралия	↗
15	Италия	↘
16	Аргентина	↗
17	Германия	↘
18	ЮАР	–
19	Республика Корея	–

Источник: Digital Diplomacy Index. URL: <https://digital-diplomacy-index.com/> (accessed: 26.10.2025).

Иммерсивные среды — это не просто декоративные эксперименты, а реальная попытка существенно расширить дипломатическое присутствие, создать новые каналы коммуникации и разработать новые цифровые консульские услуги.

Общий рейтинг государств G20 в сфере цифровой дипломатии (на основе данных *Twitter*⁴²) в 2023 г. выглядел следующим образом (табл. 4).

Конечно, этот рейтинг лишь отчасти отражает эффективность цифровой дипломатии, поскольку он не охватывает весь спектр цифровых каналов и платформ. Он уже сегодня отличается от реальности и будет отличаться от нее еще больше завтра: в эпоху алгоритмической асимметрии устойчивость дипломатических субъектов, включая государства, определяется не столько объемом их ресурсов, сколько их адаптивностью, креативностью и способностью перестраивать свое цифровое присутствие во времени и пространстве.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 31.01.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Виртуальное посольство: новые технологии представительства и влияния (осмысливая американский опыт) // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18, № 3. С. 32–47. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-03-02>; EDN: ARCGEN
- Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 144–156. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>; EDN: TQVNYC
- Павлюченко А. А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 4. С. 225–250. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250>; EDN: QSEPZN
- Adesina O. S. Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy // Cogent Social Sciences. 2017. Vol. 3, iss. 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.1080/23311886.2017.1297175>
- Bjola C., Jiang L. Digital Diplomacy : Theory and Practice. London : Routledge, 2015. <https://doi.org/10.4324/9781315730844>
- Brady W. J., Wills J. A., Burkart D., Jost J. T., Van Bavel J. J. An Ideological Asymmetry in the Diffusion of Moralized Content on Social Media Among Political Leaders // Journal of Experimental Psychology: General. 2019. Vol. 148, no. 1. P. 1802–1813. <https://doi.org/10.1037/xge0000532>

⁴² Социальная сеть X (ранее Twitter) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

- Buffaloe D. L.* Defining Asymmetric Warfare // *The Land Warfare Papers*. 2006. No. 58 (September). P. 1–34. URL: <https://www.ausa.org/sites/default/files/LWP-58-Defining-Asymmetric-Warfare.pdf> (accessed: 12.10.2025).
- Castells M.* *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. I : *The Rise of the Network Society*. Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 1996.
- Castells M.* *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. II : *The Power of Identity*. Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 1997.
- Castells M.* *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. III : *End of Millennium*. Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 1998.
- Cirone A., Hobbs W.* Asymmetric Flooding as a Tool for Foreign Influence on Social Media // *Political Science Research and Methods*. 2023. Vol. 11, iss. 1. P. 160–171. <https://doi.org/10.1017/psrm.2022.9>; EDN: IXKXNS
- Cyber-Diplomacy : Managing Foreign Policy in the Twenty-First Century* / ed. by E. H. Potter. Montreal ; Kingston : McGill—Queen’s University Press, 2002. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7zt0w>
- Eggeling K. A.* Digital Diplomacy // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies* / ed. by N. Roy. New York : Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.790>
- Fuchs Ch.* The Question of Methodology in Critical Political Economy of Communication and the Media // *Journal of Communication Inquiry*. 2025. Online first. P. 01968599251405272. <https://doi.org/10.1177/01968599251405272>; EDN: LQVTMC
- Hangström J.* *Asymmetric Warfare : Politics and Cultures of the Modern Era*. Cambridge : Cambridge University Press, 2025. <https://doi.org/10.1017/9781009567633>
- Hansen A. C.* *USIA : Public Diplomacy in the Computer Age*. Westport, CT : Praeger, 1984.
- Hedling E., Bremberg N.* Practice Approaches to the Digital Transformations of Diplomacy: Toward a New Research Agenda // *International Studies Review*. 2021. Vol. 23, iss. 4. P. 1595–1618. <https://doi.org/10.1093/isr/viab027>; EDN: SMQVDA
- Huang Z. A., Wang R.* Exploring China’s Digitalization of Public Diplomacy on Weibo and Twitter: A Case Study of the U.S.—China Trade War // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. P. 1912–1939. URL: <https://hal.science/hal-03198493v1/file/Huang%20et%20Wang%20-%202021%20-%20Exploring%20China’s%20Digitalization%20of%20Public%20Diploma.pdf> (accessed: 18.09.2025).
- Ishengoma F. R.* Online Social Networks and Terrorism 2.0 in Developing Countries // *International Journal of Computer Science and Network Solutions*. 2013. Vol. 1, no. 4. P. 1–12. URL: <https://arxiv.org/pdf/1410.0531> (accessed: 12.09.2025).
- Kaldor M.* In Defense of New Wars // *Stability: International Journal of Security and Development*. 2013. Vol. 2, iss. 1. P. 1–16. <http://dx.doi.org/10.5334/sta.at>
- Kurbalija J.* *History of Diplomacy and Technology : From Smoke Signals to Artificial Intelligence*. Geneva : DiploFoundation, 2025.
- Lee K. K., Shahin S.* Reciprocity and Asymmetry in Digital Diplomacy: Geopolitics of National Identity in South Korea—Japan and South Korea—US Relations // *Policy & Internet*. 2023. Vol. 15, iss. 3. P. 415–430. <https://doi.org/10.1002/poi3.355>; EDN: YEJNJO
- Lee S. P.* The Moral Problems of Asymmetric War // *The Cambridge Handbook of the Just War* / ed. by L. May. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 114–132. <https://doi.org/10.1017/9781316591307.008>
- Li T. Y.* Asymmetry in the Digital Age: Cyber Deterrence Strategies for Small States // *Journal of Strategic Security*. 2024. Vol. 17, no. 4. P. 71–88. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.17.4.2268>; EDN: YDDGIR
- Mack A.* Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // *World Politics*. 1975. Vol. 27, no. 2. P. 175–200. <https://doi.org/10.2307/2009880>
- Moncrieff M., Kilibarda P., Gaggioli G.* Social Network Analysis and Counterterrorism: A Double-Edged Sword for International Humanitarian Law // *Journal of Conflict and Security Law*. 2024. Vol. 29, iss. 1. P. 165–183. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krae002>; EDN: IMEMXU
- Pattwell A., Mitman T., Porpora D.* Terrorism as Failed Political Communication // *International Journal of Communication*. 2015. Vol. 9. P. 1120–1139. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/2247/1359> (accessed: 03.10.2025).
- Rachmawati I., Kuncoro H. R., Sari D. L., Tahalea S. P.* Digital Diplomacy in the 21st Century: The Transformative Role of Social Media Platforms in Public Engagement // *Proceedings of the 2nd International Conference on Advance Research in Social and Economic Science (ICARSE 2023)*. Dordrecht : Atlantis Press, 2024. P. 567–576. https://doi.org/10.2991/978-2-38476-247-7_57
- Repnikova M., Chen K. A.* Asymmetrical Discursive Competition: China—United States Digital Diplomacy in Africa // *International Communication Gazette*. 2023. Vol. 85, iss. 1. P. 15–31. <https://doi.org/10.1177/17480485221139460>; EDN: STGNPL

- Shilina M. G., Hepp A.* Pioneering Mediatization Studies: An Interview with Professor Andreas Hepp // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2021. Vol. 26, no. 4. P. 739–744. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-4-739-744>; EDN: ASZQMF
- Taber R.* War of the Flea : The Classic Study of Guerilla Warfare. New York : L. Stuart, 1965.
- Truong B. T., Lou X., Flammini A., Menczer F.* Quantifying the Vulnerabilities on the Online Public Square to Adversarial Manipulation Tactics // *PNAS Nexus*. 2024. Vol. 3, no. 7. P. 1–13. <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgae258>; EDN: IWGRDA
- Tsinovoi A.* The Management of Visibility in Digital Diplomacy: Infrastructures and Techniques // *First Monday*. 2020. Vol. 25, no. 5. <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v25i5.10116>
- Van Creveld M. L.* The Transformation of War. New York : The Free Press, 1991.
- Zaharna R. S.* Asymmetry of Cultural Styles and the Unintended Consequences of Crisis Public Diplomacy // *Intercultural Communication and Diplomacy* / ed. by H. Slavik. Malta : Mediterranean Academy of Diplomacy, 2004. P. 133–155. URL: https://www.diplomacy.edu/wp-content/uploads/2021/06/IC-and-Diplomacy-FINAL_Part9.pdf (accessed: 03.10.2025).

Сведения об авторах:

Арляпова Елена Сергеевна — кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт системно-стратегического анализа; Российская Федерация, 111398, г. Москва, ул. Кусковская, д. 16; eLibrary SPIN-код: 2152-6679; ORCID: 0000-0002-8095-7229; e-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

Пonomарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 9664-7471; ORCID: 0000-0001-8370-8597; e-mail: nastya304@mail.ru